

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.12.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-12-791-797

Дата принятия рукописи в печать: 05.01.2026 г.

ТУШАКОВ Роман Радионович,

Студент Юридической школы

Дальневосточного федерального университета,

e-mail: tushakov.rr@dvfu.ru

ВОЛОШИНА Татьяна Владимировна,

Магистрант Юридической школы

Дальневосточного федерального университета,

e-mail: voloshina.tv@dvfu.ru

Научный руководитель:

ПРОВАТКИНА Валерия Евгеньевна,

Ассистент кафедры гражданского права и процесса

Юридической школы ФГАОУ ВО Дальневосточный

федеральный университет,

e-mail: provatkina.ve@dvfu.ru

ВООРУЖЁННЫЙ КОНФЛИКТ В «КРАСНОМ КОРИДОРЕ» ИНДИИ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу затяжного вооружённого конфликта между индийским государством и маоистским движением наксалитов, действующим в так называемом «красном коридоре». Исследование раскрывает исторические и социально-экономические предпосылки конфликта, берущие начало в колониальной эпохе и усугублённые современной политикой изъятия земель у маргинализированных групп адиваси. Особое внимание уделяется правовому режиму, сложившемуся в зоне конфликта, в частности, роли закона «О предотвращении противоправной деятельности» (UAPA) и его региональных аналогов, таких как Maharashtra Special Public Security Bill (Mh SPSB). Авторы показывают, что правовые инструменты, направленные на борьбу с экстремизмом, зачастую приводят к ограничению гражданских свобод и создают условия для злоупотреблений, не устраняя при этом глубинных причин противостояния. Делается вывод о необходимости сочетания мер безопасности с социально-экономическими реформами для устойчивого урегулирования конфликта.

Ключевые слова: наксалиты, маоизм, «красный коридор», внутренний конфликт, социально-экономические причины, адиваси, земельный вопрос, UAPA, правовой режим, анти-террористическое законодательство, национальная безопасность.

TUSHAKOV Roman Radionovich,

Student of the Law School

of the Far Eastern Federal University

VOLOSHINA Tatyana Vladimirovna,

Master's student of the Law School

of the Far Eastern Federal University

Scientific supervisor:

PROVATKINA Valeria Evgenievna,

Assistant of the Department of Civil Law and Process

of the Law School of FSAEI HE Far Eastern Federal University

INDIA'S RED CORRIDOR ARMED CONFLICT: SOCIO-ECONOMIC AND LEGAL ASPECTS

Annotation. *This article provides a comprehensive analysis of the protracted armed conflict between the Indian state and the Maoist Naxalite movement operating in the so-called “Red Corridor.” The study reveals the historical and socio-economic roots of the conflict, which can be traced back to the colonial era and have been exacerbated by the current land-grabbing policies targeting marginalized Adi-Vasii groups. Special attention is paid to the legal regime that has developed in the conflict zone, in particular, to the role of the Unlawful Activities Prevention Act (UAPA) and its regional counterparts, such as the Maharashtra Special Public Security Bill (Mh SPSB). The authors show that legal instruments aimed at combating extremism often lead to restrictions on civil liberties and create conditions for abuse, while failing to address the underlying causes of the conflict. They conclude that it is necessary to combine security measures with socio-economic reforms in order to achieve a sustainable resolution.*

Key words: *Naxalites, Maoism, “red corridor”, internal conflict, socio-economic causes, adivasis, land issue, UAPA, legal regime, anti-terrorism legislation, national security.*

Актуальность исследования обусловлена тем, что военный конфликт на территории Индии с участием маоистского движения наксалитов длится с 1967 года и затрагивает территорию нескольких штатов (данная территория называется «красный коридор»). По мнению бывшего Премьер-министра Индии Манмохана Сингха, наксализм — самая большая угроза для внутренней безопасности страны. К 2025 году степень угрозы от движения наксалитов продолжает оставаться высокой, конфликт всё ещё не разрешён и сопровождается жертвами среди мирного населения и комбатантов. При этом конфликт не сильно освещён в российской науке, а большинство работ по теме относятся к 2010 – 2014 годам и не рассматривают его новейшее состояние. Кроме того, существующие работы не рассматривают правовой режим «красного коридора». Между тем, междисциплинарная осведомлённость о сущности конфликта необходима для комплексного понимания как внутривнутриполитической ситуации в Индии, так и её правовой системы.

Многие восстания в Индии из не имели под собой цели сопротивления иноземным захватчикам, как Сипайское восстание 1857 года, но были направлены против региональных и центральных властей, а также имели социально-экономические причины. Особенно остро перед индийским обществом стояла проблема распределения земли. Для её решения крестьяне часто брались за оружие как в колониальный период, так и в эпоху независимости. В период между 1783 и 1900 годами в Индии произошло как минимум 110 крестьянских восстаний [1].

В 20 веке индийские крестьянские движения получили новую идеологическую основу, оформилось огромное количество социалистических и коммунистических организаций. Одной из них была Коммунистическая партия Индии (КПИ). СССР был настроен на сотрудничество с Индией и оказывал влияние на КПИ, склоняя к участию в выборах и получению власти легальным путём.

Когда начался советско-китайский раскол, то это отразилось на КПИ: большинство, поддерживающее советский путь построения социализма, было настроено на мирную интеграцию в политическую систему, а меньшинство, поддерживающее китайский — на совершение революции. В 1964 на Седьмом съезде Коммунистической партии Индии в Калькутте последние объявили о создании Коммунистической партии Индии (марксистской) (КПИ(м)) [1].

В 1965 году началась война между Индией и Пакистаном. Китай поддерживал Пакистан в этом конфликте, и КПИ(м) официально осудила его действия, что привело к столкновению между «патриотами» и прокитайскими членами партии. Другая проблема возникла между умеренным большинством и радикальным меньшинством, когда партия участвовала в коалиции Объединённого фронта (туда входили оппозиционные левые партии) на выборах в Законодательное собрание Западной Бенгалии в 1967 году. Коалиция победила и вытеснила Индийский национальный конгресс, который был у власти в Западной Бенгалии с момента обретения Индией независимости. Однако это означало, что КПИ(м) стала частью системной оппозиции и больше не могла поддерживать идею революции. Кроме того, два члена КПИ(м) получили должности в кабинете министров [1].

Начало восстания наксалитов

Объединённый фронт не смог провести эффективные земельные реформы. В 1967 году радикальное отделение КПИ(м) из округа Дарджилинг организовало восстание, которое поддерживали крестьяне и представители туземных народов: они стали убивать землевладельцев и присваивать их участки. Центром сопротивления была деревня Наксалбари, от которой его участники получили своё название — «наксалиты». Восстание поставило лидеров КПИ(м) в очень затруднительное положение: системные коммунисты оказались противниками коммунистического

восстания. КПИ(м) не поддержала наксалитов, и Чару Мазумдар, лидер последних, в 1969 году объявил о создании отдельной Коммунистической партии Индии (марксистско-ленинской) [1]. Несмотря на название, Мазумдар был гораздо больше вдохновлён маоистской идеологией, чем марксистской или ленинской доктриной. Фактически лозунгом партии было: «Председатель Китая – наш председатель. Китайский путь – это наш путь». Более того, он считал, что революцию в Индии должны начать крестьяне в сельской местности, а не рабочий класс [1]. Это свидетельствует о близости его взглядов не только к маоизму, но и к появившимся позже идеям Пол Пота.

В 1971 году Индия начала операцию «Steeplechase» (что переводится как «бег с препятствиями»), направив армию и полицию в Западную Бенгалию. Это привело к тому, что движение наксалитов распалось на отдельные группы, и его активность снизилась в течение следующих двух десятилетий [1].

Восстановление активности наксалитов

С 1992 года в Индии начался процесс приватизации угольной промышленности. Это повлекло за собой увеличение добычи угля, вырубку лесов и рост недовольства адиваси (это общее обозначение автохтонных этнических групп, большая часть из которых не является родственной по отношению друг к другу в культурном и языковом плане), по-прежнему ведущих традиционный образ жизни, тесно связанный с лесами [1]. Это обусловило увеличение активности деятельности наксалитов и поддержки движения со стороны адиваси.

В 2004 году две крупнейшие и наиболее активные наксалитские группировки Группа Народной Войны и Маоистский Коммунистический Центр объединились в Коммунистическую Партию Индии (Маоистскую) (КПИ(М)), которая руководит движением в настоящий момент [1]. С 1967 года восстание вышло за границы штата Западная Бенгалия. Так, к январю 2023 наксалиты были замечены в 70 районах [11]. Зону активности маоистов называют «красным коридором» или «красной зоной» [11].

Социально-экономические причины конфликта

Исторически наксалиты были наиболее активны на тех территориях, которые в колониальный период были под контролем Британской империи дольше других земель. Лорд Литтон, вице-король Индии, отмечал: «индийское крестьянство представляет собой инертную массу. Если она вообще когда-либо двинется, то двинется в послушании не своим британским благо-

детелям, а своим туземным вождям и князьям» [4, р. 109]. Осуществляя свою власть, колониальная администрация опиралась на высшие касты, что приводило к ещё большей маргинализации низших каст и этнических меньшинств, не включённых в варно-кастовую систему. Кроме того, в Бенгалии, позже ставшей очагом крестьянского восстания, с 1793 действовала система заминдари, которая характеризовалась концентрацией земельных участков в руках землевладельцев, осуществлявших административно-налоговые функции и имевших почти неограниченную власть в пределах своих владений [16, pp. 64-65]. Это приводило к обезземеливанию, угнетению крестьянства и ещё большему обострению социально-экономических противоречий в регионе. Это один из многих примеров того, как колониальная система управления обусловила эскалацию межэтнического насилия в постколониальный период. Похожая ситуация была в Руанде, где бельгийская администрация опиралась на этническую группу тутси, ставя другую группу, хуту, в зависимое положение, что в дальнейшем повлекло за собой рост межэтнических столкновений и геноцид в 1994 году.

Обострение земельного вопроса в конце XX века

С 1980 в стране усилился процесс присвоения земель адиваси государством и сектором бизнеса [16, р. 64]. Как минимум 40% вынужденных переселенцев из-за строительных проектов в период между 1951 и 1990 были представителями зарегистрированных племён [16, р. 64]. Количество людей, перемещённых в период с 1951 по 1990 год из-за строительства плотин и других объектов составляет примерно 8 500 000 [16, р. 64]. При этом лишь 2 100 000 человек смогли получить компенсацию [16, р. 64]. Часть адиваси, видя невозможность решения земельной проблемы в рамках закона, присоединяется к наксалитам и берёт в руки оружие.

Таким образом, социально-экономические причины конфликта заключались в сочетании исторически сложившейся колониальной по происхождению системы социально-экономического угнетения с её последующим усугублением в постколониальный период политикой, основанной на изъятии ресурсов у маргинализированных групп адиваси. В совокупности это создало мощную базу для радикального протеста наксалитов.

Правовой режим «Красного коридора»

Особенностью правового режима «Красного коридора» является сочетание двух взаимосвязанных факторов – социально-экономической депривации значительной части населения в вос-

точных и центральных штатах Индии и долговременного существования вооружённых маоистских группировок, которые, начиная с 1960-х годов, трансформировались из локальных повстанческих формирований в устойчивую структуру с разветвлённой системой поддержки. В ответ на эту внутреннюю угрозу государство выработало собственный правовой и институциональный инструментарий, в центре которого находится Unlawful Activities (Prevention) Act, 1967 (далее – UAPA) – ключевой нормативно-правовой акт, определяющий основания и порядок признания организаций и лиц, ведущих антигосударственную или террористическую деятельность, вне закона.

Первоначально принятый как инструмент для ограничения деятельности сепаратистских движений, закон UAPA постепенно стал основой всей антитеррористической политики Индии. Особенно значимыми стали поправки 2004 и 2008 годов, когда в текст акта были включены положения о «террористических действиях», что придало ему карательную направленность, близкую к отменённому тогда Prevention of Terrorism Act (POTA). Эти изменения превратили UAPA в универсальный механизм уголовно-правового реагирования на широкий спектр угроз государственной безопасности, включая вооружённый маоистский экстремизм, который концентрируется именно в районах «Красного коридора» – Чхаттисгархе, Джаркханде, Одише, частично в Андхра-Прадеше и Махараштре [3].

С юридической точки зрения, значение UAPA в правовом режиме «Красного коридора» заключается в его функции институционализации состояния исключения, при котором в определённых регионах допускается расширение дискреционных полномочий государства в сфере безопасности.

Согласно ст. 3 UAPA, центральное правительство вправе объявить любую организацию «незаконной», если её деятельность расценивается как «подрывающая», направленная против территориальной целостности или суверенитета Индии. На практике это означает, что такие организации, как Communist Party of India (Maoist), People's Liberation Guerrilla Army и связанные с ними фронтовые структуры, официально признаны запрещёнными [10]. Их члены и сторонники подпадают под действие уголовных статей, предусматривающих длительные сроки лишения свободы, конфискацию имущества и специальные следственные меры.

Рассмотрение вопроса о запрете осуществляется специальным трибуналом, создаваемым в соответствии со ст. 5 UAPA, который формально обеспечивает судебный надзор за решениями исполнительной власти.

Вместе с тем анализ практики показывает, что такие трибуналы, как правило, поддерживают позицию Министерства внутренних дел (Ministry of Home Affairs – MHA), что делает механизм запрета скорее административным, чем судебным [15].

Примером является продление запрета на деятельность Hynniewtrep National Liberation Council (HNLC) и ряда других группировок, решения по которым были подтверждены трибуналами в 2022–2024 гг. [14]. Это свидетельствует о тенденции к устойчивому воспроизводству исключительного режима, когда действие норм безопасности становится постоянным элементом регулирования в «Красном коридоре».

UAPA также служит правовым основанием для деятельности Национального следственного агентства (National Investigation Agency – NIA), которое наделено особыми полномочиями по возбуждению дел, связанным с терроризмом и экстремизмом. Практика расследований показывает, что именно по статьям UAPA возбуждается большинство уголовных дел против участников маоистских структур, подозреваемых в организации взрывов, похищений или финансировании вооружённых операций [9].

Вместе с тем в ежегодных отчётах Министерства внутренних дел прямо указывается, что применение UAPA является «центральным элементом» стратегии по сдерживанию Left-Wing Extremism (LWE), а сам закон – «опорой правового ответа государства на внутренний вооружённый вызов» [8].

Однако применение UAPA вызывает многочисленные правовые и этические споры. Поправки 2019 года, позволившие Министерству внутренних дел признавать физических лиц «террористами» без решения суда, были восприняты как существенное отступление от принципа презумпции невиновности и судебной защиты. Уже в 2020 году в Верховный суд Индии были поданы петиции (Sajal Awasthi v. Union of India; Association for Protection of Civil Rights v. Union of India), в которых заявители утверждали, что закон нарушает статьи 14, 19 и 21 Конституции Индии [13]. Хотя решения по этим делам пока не вынесены, сам факт их рассмотрения подтверждает наличие глубокого правового конфликта между принципами национальной безопасности и конституционными гарантиями.

Научное сообщество и правозащитные организации (в частности, Human Rights Watch и Amnesty International) указывают на то, что применение UAPA в «Красном коридоре» нередко сопровождается злоупотреблениями на уровне предварительного следствия: длительными содержаниями под стражей без предъявления

обвинений, ограничением доступа к адвокатам и использованием закона для давления на активистов и журналистов [6].

Так, в докладе Amnesty International India (2022) отмечено, что «UAPA в его нынешнем виде превратился из инструмента борьбы с терроризмом в средство подавления любого политического инакомыслия, особенно в регионах с высоким уровнем социального протеста» [2].

Вместе с тем нельзя отрицать, что в условиях длительного вооружённого противостояния UAPA стал неотъемлемой частью гибридной системы правового реагирования, в которой уголовно-правовые и административные меры сочетаются с программами социально-экономического развития, реализуемыми в рамках Civic Action Programme и Security Related Expenditure Scheme [5]. Таким образом, значение UAPA выходит за рамки карательного инструмента – он формирует правовую основу для функционирования особого режима безопасности, где обеспечивается не только наказание, но и контроль за политической активностью, перемещениями и коммуникацией населения в «красных» районах.

Следует подчеркнуть, что UAPA по своей сути воплощает переход от классического правового регулирования к «праву безопасности», где превалируют категории угрозы, подозрения и профилактики. В этом контексте закон играет роль своеобразного юридического каркаса состояния исключения, при котором действия государства легитимируются не столько судебным контролем, сколько ссылкой на необходимость защиты национальной целостности. Именно поэтому многие индийские исследователи отмечают, что правовой режим «Красного коридора» можно охарактеризовать как «зону ослабленного верховенства права», где UAPA становится символом и одновременно механизмом постоянного чрезвычайного положения [12].

Таким образом, роль UAPA в правовом режиме «Красного коридора» является двойственной: с одной стороны, он обеспечивает государству необходимый юридический инструментарий для борьбы с вооружённым маоистским движением, легализуя применение мер уголовного и административного воздействия, а с другой – создаёт предпосылки для нормализации чрезвычайных практик, вступающих в противоречие с базовыми принципами конституционного правопорядка. Эффективность правового режима в таких условиях может быть достигнута лишь при сочетании жёстких мер безопасности с программами социального включения, восстановлением доверия к институтам власти и постепенным переходом от «закона безопасности» к «закону справедливости».

Соотношение UAPA и Maharashtra Special Public Security Bill (далее - Mh SPSB) как инструментов правового регулирования «Красного коридора»

В силу Конституции Индии уголовное право; уголовный процесс; а также вопросы превентивного заключения по причинам, связанным с безопасностью какого-либо Штата, поддержанием публичного порядка или обеспечением снабжения и служб, имеющих существенное значение для общества; правовой режим лиц, подвергаемых такому заключению, входят в Перечень вопросов, отнесенных к конкурирующей компетенции Союза и Штатов. Соответственно, штаты, затронутые влиянием наксалитов, приняли собственные законы, которые уточняют и даже изменяют правовое регулирование, установленное UAPA. Авторы сравнивают UAPA и Mh SPSB, так как последний закон в большей степени, нежели другие региональные антитеррористические законы, отличается от UAPA.

В частности, статья 2(о) UAPA относит к незаконной деятельности деяния, которые

- имеют целью или поддерживают любое притязание/требование, направленное на то, чтобы по любым основаниям привести к уступке части территории Индии или отделению части территории Индии от Союза, или которые подстрекают любое лицо или группу лиц к осуществлению такой уступки или отделения; или которые
- которые отрицают, ставят под сомнение, нарушают или имеют целью нарушить суверенитет и территориальную целостность Индии; или
- которые вызывают или имеют целью вызвать недовольство против Индии.

В то же время перечень, закрепленный в статье 2(f) Mh SPSB намного шире. Это деяния,

- которые представляют опасность или угрозу для общественного порядка, мира и спокойствия; или
- которые вмешиваются или стремятся вмешиваться в поддержание общественного порядка; или
- которые вмешиваются или стремятся вмешиваться в отправление правосудия или деятельность его установленных институтов и персонала; или
- которые направлены на устрашение посредством преступной силы или демонстрации преступной силы, или иным образом, любого государственного служащего штата/центрального правительства при осуществлении законных полномочий такого государственного служащего и Вооруженных сил; или

- которые заключаются в пропаганде, участии в актах насилия, вандализма или других действий, вызывающих страх и тревогу у населения, или в участии или поощрении использования огнестрельного оружия, взрывчатых веществ или других устройств, или в нарушении связи по железной дороге, автомобильным дорогам, воздуху или воде; или
- которые заключаются в поощрении или поведении неповиновения установленному закону и его институтам; или
- которые заключаются в сборе денег или товаров для осуществления одному или нескольким из вышеупомянутых незаконных действий.

Таким образом, Mh SPSB криминализировал деяния, которые не являются уголовно наказуемыми по UAPA. Особое внимание необходимо обратить на подпункт v статьи 2(f) Mh SPSB: криминализированы пропаганда и участие в действиях, вызывающих страх и тревогу у населения. Mh SPSB не содержит критериев определения таких действий. Соответственно, настолько широкая формулировка позволяет использовать Mh SPSB в репрессивных мерах. Этому также способствует установление более суровых, нежели это предусмотрено UAPA, наказаний:

В силу статьи 3 UAPA незаконная деятельность, осуществленная членом запрещенной организации, наказывается 2 годами лишения свободы, а также штрафом. Между тем, статья 8.1 Mh SPSB устанавливает наказания в виде 3 лет лишения свободы и штраф за это же деяние.

Довод о том, что расширение региональным антитеррористическим законодательством понятия незаконной деятельности, а также ужесточение наказаний влекут за собой злоупотребление законом подтверждается следующим примером: антитеррористический закон штата Чхаттисгарх Chhattisgarh Special Public Security Act использовали для репрессий против репортеров и журналистов, освещавших проблемы внесудебных казней, сексуального насилия и насильственного изъятия земель в Чхаттисгархе, а также против активистов и организаций, которые протестовали за права общин адиваси в Чхаттисгархе [7].

Вывод: Mh SPSB устанавливает уголовную ответственность за большее количество деяний, нежели это предусмотрено UAPA. При этом он также ужесточает наказания. Это, вкупе с абстрактностью понятия незаконной деятельности, открывает возможности для властей штата для использования антитеррористического законодательства в репрессивных мерах.

Таким образом, конфликт имеет глубокие социально-экономические корни, берущие начало ещё с колониального периода. Этот факт обуславливает столь долгое существование наксалитов. Между тем, правовой режим в «красном коридоре» характеризуется тем, что даёт необходимый инструментарий государству для борьбы с радикальными движениями. С другой стороны, это порождает произвол в отношении местного населения и нарушает принцип законности, не ведёт к ликвидации фундаментальных причин конфликта, а, напротив, настраивает местное население против центральных властей.

Список литературы:

- [1] A historical introduction to Naxalism in India [Историческое введение в наксализм в Индии] // European Foundation for South Asian Studies.
- [2] Amnesty International India. UAPA: Weaponizing the Law [Международная амнистия Индия. UAPA: использование закона в качестве оружия]. — Отчёт, 2022.
- [3] Annual Report of the Ministry of Home Affairs. — 2023 [Ежегодный отчёт Министерства внутренних дел. — 2023 г.]. — Government of India, New Delhi, 2023.
- [4] [Balfour L. B. The History of Lord Lytton's Indian Administration, 1876 to 1880 [История индийской администрации лорда Литтона, 1876–1880 гг.]. — London : Longmans, 1899. — 602 p.
- [5] Civic Action Programme Guidelines [Руководство по программе гражданских действий]. — Ministry of Home Affairs, 2021.
- [6] Human Rights Watch. India: Repressive Counterterrorism Law Misused [Human Rights Watch. Индия: злоупотребление репрессивным антитеррористическим законом]. — New York, 2022. Amnesty International India. UAPA: Weaponizing the Law. — Report, 2022.
- [7] Insecurity By Law. A critique of the Maharashtra Special Public Security Bill in the Context of India's Banning Regime // People's Union for Democratic Rights (PUDR). — 2025. [Отсутствие безопасности в силу закона. Критика законопроекта Специального закона «Об общественной безопасности Махараштры» в контексте режима запрета в Индии].
- [8] Ministry of Home Affairs. Left Wing Extremism Division Report 2022–2023 [Министерство внутренних дел. Отчёт отдела по борьбе с левым радикальным экстремизмом за 2022–2023 гг.]. — New Delhi, 2023.
- [9] National Investigation Agency (NIA) Annual Report 2023 [Ежегодный отчёт Национального следственного агентства (NIA) за 2023 г.]. — New Delhi: NIA Headquarters, 2024.

[10] Notification No. S.O. 1234(E) // Gazette of India. — 2009 [Уведомление № S.O. 1234(E) // Официальный вестник Индии. — 2009 г.].

[11] Number of Naxal-Affected Districts Has Come Down from 126 to 70: President Ram Nath Kovind // The New Indian Express. — 31 Jan 2022 [Количество районов, поражённых наксализмом, снизилось со 126 до 70: президент Рам Натх Ковинд // The New Indian Express. — 31 янв. 2022 г.].

[12] Prasanna S. India's Naxalite-Maoist Insurgency and the Law of Non-International Armed Conflict // UCLA Law Review. — 2021. — Vol. 68 [Прасанна С. Наксалитско-маоистское восстание в Индии и право надмеждународных вооружённых конфликтов // Юридический журнал Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе. — 2021. — Т. 68].

[13] Sajal Awasthi v. Union of India; Association for Protection of Civil Rights v. Union of India // Supreme Court of India Database. — 2020 [Саджал Авасти против Союза Индии; Ассоциация за защиту гражданских прав против Союза Индии // База данных Верховного суда Индии. — 2020 г.].

[14] Tribunal extends ban on HNLC under UAPA // The Times of India. — 27 Aug 2023 [Трибунал продлил запрет на деятельность HNLC в соответствии с UAPA // The Times of India. — 27 авг. 2023 г.].

[15] Tribunal Orders under Section 5 of the UAPA [Решения трибуналов, вынесенные в соответствии со статьёй 5 Закона UAPA]. — Ministry of Law and Justice Database, 2023.

[16] Verghese A., Teitelbaum E. Conquest and Conflict: The Colonial Roots of Maoist Violence in India [Завоевание и конфликт: колониальные корни маоистского насилия в Индии]. Politics & Society, 2019. — Vol. 47, № 1. — P. 55–86. — DOI: <https://doi.org/10.1177/003232921882312>.

References:

[1] A historical introduction to Naxalism in India [Историческое введение в наксализм в Индии] // European Foundation for South Asian Studies.

[2] Amnesty International India. UAPA: Weaponizing the Law. UAPA: weaponizing the law]. - Report, 2022.

[3] Annual Report of the Ministry of Home Affairs. - 2023 [Annual Report of the Ministry of the Interior. - 2023]. — Government of India, New Delhi, 2023.

[4] [Balfour L. B. The History of Lord Lytton's Indian Administration, 1876 to 1880. — London : Longmans, 1899. — 602 p.

[5] Civic Action Program Guidelines. — Ministry of Home Affairs, 2021.

[6] Human Rights Watch. India: Repressive Counterterrorism Law Misused [Human Rights Watch. India: abuse of repressive anti-terrorism law]. — New York, 2022. Amnesty International India. UAPA: Weaponizing the Law. — Report, 2022.

[7] Insecurity By Law. A critique of the Maharashtra Special Public Security Bill in the Context of India's Banning Regime // People's Union for Democratic Rights (PUDR). — 2025. [Insecurity by operation of law. Criticism of the Maharashtra Special Public Security Bill in the context of India's prohibition regime].

[8] Ministry of Home Affairs. Left Wing Extremism Division Report 2022-2023 [Home Office. Report of the Department for Combating Left-Wing Extremism for 2022-2023]. — New Delhi, 2023.

[9] National Investigation Agency (NIA) Annual Report 2023 [2023 NIA Annual Report]. — New Delhi: NIA Headquarters, 2024.

[10] Notification No. S.O. 1234(E) // Gazette of India. - 2009 [Notice No. S.O. 1234 (E) // Official Gazette of India. - 2009].

[11] Number of Naxal-Affected Districts Has Come Down from 126 to 70: President Ram Nath Kovind // The New Indian Express. - 31 Jan 2022 [The number of areas affected by naxalism dropped from 126 to 70: President Ram Nath Kovind // The New Indian Express. - Jan 31, 2022]

[12] Prasanna S. India's Naxalite-Maoist Insurgency and the Law of Non-International Armed Conflict // UCLA Law Review. — 2021. — Vol. 68 [Prasanna S. Naxalite-Maoist uprising in India and the law of supra-international armed conflicts // Law Journal of the University of California at Los Angeles. — 2021. - VOL. 68].

[13] Sajal Awasthi v. Union of India; Association for Protection of Civil Rights v. Union of India // Supreme Court of India Database. - 2020 [Sajal Awasthi vs Union of India; Association for the Protection of Civil Rights v. Union of India // Database of the Supreme Court of India. - 2020].

[14] Tribunal extends ban on HNLC under UAPA // The Times of India. - 27 Aug 2023 [Tribunal extends ban on HNLC activities under UAPA // The Times of India. - Aug. 27, 2023].

[15] Tribunal Orders under Section 5 of the UAPA. — Ministry of Law and Justice Database, 2023.

[16] Verghese A., Teitelbaum E. Conquest and Conflict: The Colonial Roots of Maoist Violence in India. Politics & Society, 2019. — Vol. 47, № 1. — P. 55–86. — DOI: <https://doi.org/10.1177/003232921882312>.